

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д28

Didier Decoin

UNE ANGLAISE A BICYCLETTE

Copyright © Editions Stock — Paris 2011

Published by arrangement with Lester Literary Agency

В оформлении обложки использована репродукция картины художника Herbert James Draper: Private Collection / Photo © The Maas Gallery, London / Bridgeman Images / Fotodom.ru

Перевод с французского *Нины Жуковой*

Художественное оформление *Андрея Старикова*

Декуэн, Дидье.

Д28 Англичанка на велосипеде / Дидье Декуэн ; [пер. с фр. Н. Жукова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-04-098594-4

Когда в Южной Дакоте происходит кровавая резня индейских племен, трехлетняя Эмили остается без матери. Путешествующий английский фотограф забирает сиротку с собой, чтобы воспитывать ее в своем особняке в Йоркшире. Девочка растет, ходит в школу, учится читать. Вся деревня полнится слухами и вопросами: откуда на самом деле взялась Эмили и какого она происхождения?

Фотограф вынужден идти на уловки и дарит уже выросшей девушке неожиданный подарок — велосипед. Вскоре вылазки в отдаленные уголки приводят Эмили к открытию тайны, которая поделит всю деревню пополам. За реальностью будут искать сказку, а за сказкой — реальность. Что победит — воображение или действительность?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098594-4

Посвящается Жан-Марку Роберу

Главное условие равновесия — отсутствие всякого движения. Но суть равновесия такова, что достаточно легкого дуновения, чтобы все пришло в движение.

Жюльен Грак

За всякой истиной стоит другая истина; которая из них истинна?

Джон Б. Фрогг

Часть первая

1

На Великих равнинах Южной Дакоты, возле ручья Вундед-Ни, произошло кровавое побоище. Завершался период Луны-Когда-на Деревьях-Лопается-Кора-от-Мороза, которому предстояло смениться Луной-Когда-Холод-Приходит-в-Типи¹, что соответствовало концу декабря: иными словами, случилось это через несколько дней после Рождества 1890 года.

Впрочем, что могли значить и Рождество, и сам 1890 год для народа лакота²: счет времени он вел не годами, а лунными месяцами, или Лунами, которые отличались друг от друга характерными для той поры событиями. Так, лакота знали, например, что Мато Нажин (Стоящий Медведь, старший сын первого носившего это имя Стоящего Медведя) появился на свет в Луну-Когда-Линяют-Пони, то есть за четыре месяца до Луны-Черношерстого-Теленка³, когда родилась Эхой, чье имя означало «смеющаяся дева».

¹ Типи — переносное жилище кочевых индейцев Великих равнин. — *Здесь и далее, если не указано иного, прим. пер.*

² Лакота — индейский народ, западная часть племен группы (народов) сиу (также дакота).

³ Речь идет о периоде с мая по сентябрь; пони — *здесь*: низкорослые лошади индейцев.

Эхой повезло: она не попала в число детей, убитых первыми залпами пушек. Услышав попискивание под обрушившимся на ребенка телом матери, едва его не придавившим, Шумани перевернула мертвую женщину и схватила малышку за то, что попало под руку, — за ноги.

И теперь Шумани мчалась по снегу с девочкой, которую волокла за собой, как крокетный молоток, держа за щиколотки и рискуя разбить ей лоб о любое твердое препятствие — хватило бы и обледенелой кротовой норы, ведь головка Эхой была совсем хрупкой; но, к счастью, отчаянный бег Шумани не встретил на пути ничего, обо что ребенок мог удариться.

Под головой Эхой расстилалась гладкая поверхность невиданной белизны, от которой ломило глаза, то поднимавшаяся, то опускавшаяся с головокружительной быстротой, и колебание этого живого маятника отчасти помогало сохранять равновесие женщине, которая его несла. Шумани не хватило времени, чтобы поставить Эхой на ноги и взять поудобнее: например, обхватив руками или прижав к себе, чтобы головка девочки покоилась, как в колыбельке, на теплой и мягкой подушке ее груди. Нет, ничто не должно было замедлить бег Шумани, которой предстояло опередить чудовищный рой огненных снарядов и добела раскаленных свинцовых пуль. Шумани вспомнился день, когда на нее напали пчелы, чей улей она растревожила; насекомые бросились ей вдогонку, зыблясь позади волнами, подобно бурному потоку во время паводка. И тогда она поняла, хотя и была немногим старше малышки, которую сейчас спасала от

ярости американских солдат, что из беды ее выручит только бег на опережение — если она побежит так быстро, как не бегала никогда в жизни. Преследовавшие ее теперь кусочки металла были ничуть не разумнее пчел, но куда проворнее: она не видела их полета, зато слышала гул и свист — звук зависел от формы осколков после разрыва снаряда, когда они с шипением падали в снег, и в этом месте расцветали большие, серые, дышащие паром цветы.

Шумани подумала, что сейчас она тоже упадет. Тело нещадно ломило, боль, начинавшаяся в желудке, подкатывала к горлу тошнотой, и каждый раз, когда она пыталась ускорить бег, боль внизу живота пронзала ее огнем в поясницу и бедра. Чтобы увернуться от снарядов, она рванула в сторону, туда, где лежала нетронутая снежная целина, и этот благодатный холод был подобен ледяному компрессу на лбу больного лихорадкой. Но в то же время толща тяжелого, липнувшего к ногам снега сильно замедляла бег.

И, несмотря на это, Шумани настигла и обогнала других бежавших женщин — те тоже были с детьми, правда, несли их за спиной, как принято у сиу.

Прежде всего Шумани подивилась спокойствию детей. Никто не плакал, не пищал, как Эхои, у одних глаза были открыты, у других закрыты, точно они спали, и головы у всех болтались из стороны в сторону. И только увидев наполовину снесенное лицо мальчика — его оторванная щека свешивалась к шее, точно шкурка плода с красной мякотью, — она поняла, что женщины, не ведая о том, несли мертвых детей, собственных

детей, превратившихся в живой щит, чьи тела вобрали пули, посланные солдатами женщинам в спину. Шумани захотелось сказать об этом, но она сдержалась, подумав, не мертва ли подобранная ею девочка, которая как раз перестала верещать. Правда, крови на снегу она не заметила, но что это доказывало? Кровь могла и не просочиться сквозь толстое индейское одеяло, в которое ребенок был завернут.

Тогда Шумани решила молчать и целиком сосредоточиться на беге; ее не оставляло смутное ощущение, что самое трудное осталось позади. Снаряды по-прежнему рвались то тут, то там, но, потеряв изрядную часть смертоносной энергии, уже редко попадали в цель.

Как и эти снаряды, Шумани сожгла большую часть сил в первые минуты бега и теперь чувствовала себя отяжелевшей и неловкой. И если в начале этой бешеной гонки боль в ногах была подобна боли юноши-воина, который доводит напряжение всех мускулов до наивысшего предела, раз он дал себе клятву опередить лучшего бегуна соседнего племени, то к концу боль обернулась мучительным недугом уже немолодой женщины — выдохшейся, с губами, перепачканными густой слюной, стекавшей длинными струйками, подобно клочьям белой, остро пахнущей пены, слетавшей с морды бизона, загнанного человеком.

Скорость бега ей удалось сбавить лишь позже, гораздо позже, когда вязкий снег, в котором она с усилием передвигала ноги, пробивая себе путь, перешел в плотную, ровную, с зеркальным блеском поверхность, утрамбованную таким скопле-

нием измученных людей, лошадей и повозок, которого прежде Шумани видеть не доводилось.

Впереди она заметила фургон на четырех больших расшатанных колесах, в который была впряжена низкорослая лошадка. Внутри ярко-желтого фургона — из-за необычного цвета Шумани моментально выделила его из остальных — среди наваленных кучей тел раненых и убитых сидели измученные, чудом выжившие люди. Весь остаток жизни, а больше ей нечего было предложить, Шумани отдала бы за то, чтобы протянулась чья-нибудь сострадательная рука и помогла им взобраться на повозку — ей и Эхой. Мягкое поскрипывание колес на снегу таило в себе нечто сладостное и придающее силы, вроде сахара, размешанного в очень горячем питье. Ей захотелось забыться в этом звуке, дать ему себя убаюкать, поглотить целиком.

— Возьмите меня к себе! Возьмите, — взмолилась Шумани, — дайте мне местечко рядом с вами!

Но ей лишь казалось, что она говорит, на деле же с губ ее не сорвалось ни слова, настолько отяжелел язык от ледяного воздуха за время безумной гонки. Так что фургон продолжал себе катить со своим сахарным хрустом, а Шумани продолжала бежать рядом.

Высокие колеса со смещенной осью, казалось, пританцовывали на снегу, гипнотизируя Шумани, и она, утратив бдительность, споткнулась. Попав в рытвину, нога подвернулась, и женщина упала, опрокинув Эхой навзничь. Толстое одеяло, в которое девчужка была завернута, смягчило падение, так что она не заплакала, а лишь задргала

ножками, словно перевернутая черепаха. Из раскрытого рта ребенка вырвался голубоватый парок, а внизу одеяла проступила зловонная жижа.

Желтый фургон вскоре исчез в пурге, словно в жемчужной завесе, но уже приближалась следующая повозка с обгоревшим верхом: на обручах полукруглого каркаса, стукавшихся друг о дружку с металлическим звоном, мотались почерневшие остатки брезента.

Возница, без сомнения, фермер, прокричал Шумани, чтобы она поспешила поднять ребенка и убраться с дороги, иначе он раздавит обоих. Женщина отрицательно покачала головой, давая понять, что не может дальше идти, что ей требуется передышка и она должна во что бы то ни стало сесть в повозку. Она схватила девочку и, держа ее за талию, подняла до уровня своего лба, обратив ребенка лицом к фермеру. Шумани видела, что так делали священники, поднимая крест либо золотую чашу с вином или белыми круглыми тоненькими облатками, и перед этим жестом верующие низко склонялись или даже падали на колени.

Испуганные лошади встали на дыбы. Фермер натянул поводья и выпустил длинную очередь брани — Южная Дакота всегда славилась сквернословами; тяжелая повозка заскрипела, накренилась, словно собираясь перевернуться, а затем встала.

— Черт с тобой, — прорычал возница. — Полезай! Да продолжай держать так своего сопляка, чтобы я видел обе твои руки. До самого Пайн-Риджа. *Oyakahniga he?*¹

¹ Поняла, что я сказал?

— *Oscahnige*¹, — ответила Шумани.

Она была одной из немногих женщин общины Большой Ноги, знавших английский ровно настолько, чтобы понять этим утром, на заре, несколько слов из разговора американских солдат; слов, не оставлявших сомнений в их намерении в случае бунта не щадить ни женщин, ни детей, — именно с этой целью полковник Форсайт доставил сюда пушки Гочкиса², высокая скорострельность и относительно хаотичный характер стрельбы которых помешали бы индейцам вовремя сообразить, что с ними происходит.

Вскоре взгляду Шумани открылась возникшая на расстоянии нескольких миль группа деревянных строений, в том числе охраняемые солдатами мелочная лавка и почта, над которыми возвышалась колокольня Божьего Дома.

Это была епископальная церковь Святого Креста, на двери которой до сих пор висело расписание служб, чтений Писания и песнопений Рождественской недели. От мороза доски двери разошлись, и сквозь щели просачивался свет, доносились стоны, и ощущался запах горячего воска. Вдруг дверь открылась, на пороге церкви возникла женщина в коричневом платье с двумя ведрами, доверху наполненными окровавленными бинтами,

¹ Поняла.

² Речь идет о 42-миллиметровой горной пушке Гочкиса, разработанной французской промышленной компанией *Hotchkiss et Cie*, основанной переехавшим во Францию американским изобретателем и предпринимателем Бенджамином Гочкисом в 1875 году. Использовалась армией США в течение последней четверти XIX — начале XX века.